

Григорий Померанц

Истоки и устье Большого Террора

Факты, которые не удалось скрыть

Я один из немногих живых собеседников Ольги Григорьевны Шатуновской, женщины, которой судьба вручила ключи к истокам и устью Большого Террора. Мне не приходило в голову ничего записывать. Я философ, а не историк. Но я многое помню. И к счастью, я могу опереться на записи, которые делала дочь Ольги Григорьевны, Джана Юрьевна Кутьина, и внуки – Андрей и Антон. Я познакомился с этими записями в 1997 году, в их первоначальной, несистематизированной форме, а к началу 2002 г. получил в распоряжение книгу, изданную американско-германским издательством La Jolla¹.

Основа этой книги – сведенные вместе и откомментированные записи дочери и внуков после рассказов женщины огромной силы духа, жизнь которой сплелась с историей советской власти, начиная с героических лет становления, кончая распадом и первыми попытками открытой дискуссии о преступлениях Сталина. Это история типической жизни героини революции и узницы Колымы с фантастическим изломом, превратившим каторжанку в судью своих палачей. Это самое достоверное свидетельство об истоках и внутренней логике Большого Террора, увиденного и из застенков НКВД, и с кресла члена Комиссии Партконтроля. Это рассказ о том, как следственное дело в 64 томах было выхолощено и фальсифицировано цекистами под

---

¹ Об ушедшем веке рассказывает Ольга Шатуновская. Составители: Джана Кутьина, Андрей Бройдо, Антон Кутьин. Берлин, La Jolla, 2001 г. 453 с. Хронология с. 398-402, Комментарии с. 404-444, Библиография с. 442-444, индекс с. 446-453. 77 илл.

общим руководством Сердюка (фактического руководителя Парткомиссии), особо выбранного Суловым для уничтожения политически невыгодных документов.

Хрущев плакал, читая Резюме (слезы Хрущева в подобных случаях подтверждала покойная Стелла Корытная). Он собирался зачитать резюме на XXII съезде, но уступил давлению со стороны Сулова и Козлова, за которыми стояло подавляющее большинство ЦК, и отложил публикацию на 15 лет. Ольга Григорьевна назвала это политическим самоубийством и была права: Сулов не стал ждать 15 лет и через два года, воспользовавшись благоприятным моментом, сумел сбросить неуправляемого вождя, державшего идеологическую бомбу за пазухой. Шатуновская не простила Хрущеву его трусости и после его отставки отказывалась от приглашений прийти потолковать о прошлом.

Рядовые следователи, сочувствовавшие Ольге Григорьевне, рассказывали ей, как Сердюк заставлял свидетелей менять свои показания, как некоторые документы просто уничтожались, а другие подменялись фальшивками. Все эти сведения Ольга Григорьевна пересказывала своим друзьям, старым бакинцам, а с середины 60-х годов и мне (мои воспоминания об Ольге Григорьевне опубликованы в «Новом мире», 2002, № 5 и доступны в интернете).

Я ничего не записывал, мне не приходило в голову, что в случае падения советской власти фальсификация будет упорно защищаться. Дочь и внуки Ольги Григорьевны оказались умнее. Несмотря на запрет (Шатуновская была связана подпиской о неразглашении), рассказы записывались на другой день, иногда буквально

на следующее утро. В 1997 году я с разрешения Джаны Юрьевны прочел машинописные «беседы в домашнем кругу», в том виде, в котором А.Бройдо поместил их в интернет², и договорился с одним из сотрудников «Общей газеты» дать своего рода журналистское резюме о деле Кирова. Эта публикация была осуществлена 10.04.1997, в № 14. К сожалению, А.Трушин не обошелся без мелких неточностей, раздосадовавших родных, и они решили не иметь больше дела с прессой и издать книгу самостоятельно, к 100-летию со дня рождения Ольги Григорьевны. Средств хватило только на очень небольшое число экземпляров. Книга не поступает в продажу и, в лучшем случае, ею могут быть обеспечены только крупнейшие библиотеки.

Среди дополнений, включенных в книгу, - письмо Ольги Григорьевны, написанное 10.02.90 и направленное в газету «Известия». Это часть дискуссии в прессе, проходившей в 1989-1990 гг. Я попросил своего заочного друга, Н.Ф.Рыбалкина, порыться в своем архиве. Через месяц он прислал мне ксерокопии статей В.Лордкипанидзе, с которой начался «гласный» спор (АИФ, 1989, № 6) и статьи Г.Целмса, завершившего обсуждение (ЛГ, 27.06.90). Лордкипанидзе повторяет то, что я слышал от Ольги Григорьевны: убийство Кирова организовал, по поручению свыше, чекист Запорожец. До эпохи гласности об этом же писал Антонов-Овсеенко младший в тамиздатной книге «Портрет тирана». Ольга Григорьевна признает, что разрешила опереться на ее рассказы, но без ссылок на нее (рецензируемая книга, с. 358). Можно пожалеть, что памфлетный стиль Антонова-Овсеенко отымал у фактов их

---

² euclid.ucsd.edu/=Broido/ola/ola.html

достоверность. Между тем, о роли Сталина в убийстве Кирова догадывались многие старые коммунисты (свидетельствует в частности Олег Волков, вспоминая разговор на берегу Енисея с Николаевым, однофамильцем убийцы; фрагмент перепечатан в книге «Жизнь во тьме», М., 2001, с. 21-22).

На статью В.Лодкипанезде отвечала А. Кириллина, защищая единственную возможную версию, позволявшую обелить Сталина после полного провала легенд о заговорах зиновьевцев и троцкистов. Версия эта слабая: Кирова, которого тщательно охраняли, убил одинокий злоумышленник («Известия», 11.01.90). Ольга Григорьевна была еще жива. Ее блестяще мотивированный ответ сжато излагает основные факты: «Во время 17 партсъезда.. происходило тайное совещание некоторых членов ЦК – Косиора, Эйхе, Шеболдаева и других. Участники совещания считали необходимым устранить Сталина с поста генсека. Они предлагали Кирову заменить его, но он отказался. После того как Сталину стало известно об этом совещании, он вызвал к себе Кирова. Киров не отрицал этого факта, заявив, что тот сам своими действиями привел к этому. При выборах в ЦК на съезде фамилия Сталина была вычеркнута в 292 бюллетелях. Сталин приказал сжечь из них 289...

Киров, сознавая, что после происшедшего он неизбежно будет уничтожен Сталиным, говорил своим родным и друзьям, что голова его теперь на плахе. Убийцу Кирова Николаева трижды задерживала охрана Кирова, при нем был обнаружен портфель с разрезом на задней стороне, в котором находился заряженный револьвер и

план Смольного. Однако сотрудники Ленинградского ГПУ его каждый раз отпускали, угрожая охране...

На другой день после убийства на допросе у Сталина в Смольном Николаев заявил, что его в течение четырех месяцев склоняли к убийству сотрудники ГПУ, настаивая на том, что это необходимо партии и государству...

После моего ухода (в 1962 г. – Г.П.), в окружении Н.С.Хрущева нашлись лица, заинтересованные в переоценке выводов Комиссии Политбюро. Они поручили заместителю председателя КПК З.Г.Сердюку вновь допросить главных свидетелей. Эту работу помогал ему выполнить сотрудник КПК Г.С.Климов...

В июне 1989 года ко мне явился представитель КПК Н.Катков в сопровождении двух прокуроров с целью якобы посоветоваться о работе Комиссии. В ходе беседы подтвердилось, что по заданию сталинистов из окружения Хрущева был совершен исторический подлог. Из документов расследования исчезли: свидетельство члена партии с 1911 г. С.Л.Маркус, старшей сестры жены С.М.Кирова – с его слов – о тайном совещании на квартире Орджоникидзе... Копия полученных на следствии показаний помощника Орджоникидзе – Махова, присутствовавшего на упомянутом совещании...

Исчезли также показания старых большевиков Опарина и Дмитриева о сцене допроса Сталиным Николаева 2 декабря, когда убийца заявил Сталину, что к покушению на жизнь Кирова его побудили и готовили сотрудники НКВД³. Тогда

---

³ Термины ОГПУ и НКВД в тексте смешиваются. Это черта времени, когда ОГПУ только недавно было переименовано. – Г.П.

энкаведисты жестоко избили Николаева и в бесчувственном состоянии доставили в тюрьму.

Исчез важнейший документ: представленная КГБ в Комиссию Политбюро сводка о количестве репрессированных с января 1935 г. по июнь 1941 года – по годам и различным показателям – с общим итогом: 19.840 тысяч арестованных, из которых 7 миллионов расстреляно в тюрьмах. Представитель КПК заявил, что в деле имеется якобы лишь моя записка с упоминанием двух миллионов жертв. Такой записки я никогда не писала» (рец. книги, с.382-384. Визит сотрудников КПК явно имел цель предупредить Шатуновскую, что документов, на которые она опирается, уже нет. – Г.П.).

Однако дискуссия продолжалась. Г.Целмс осторожно подвел ее итоги в «Литературной газете». КПСС еще была тогда правящей партией, и Целмс не называет кошку кошкой, а только показывает поведение сотрудников ЦК, которым он предъявляет, одну за другой, улики, собранные Шатуновской. Цекисты ведут себя как сообщники, пытающиеся спрятать концы в воду. Но три конца не удалось спрятать. Первое: Суслов семь или восемь раз ставил на секретариате вопрос об увольнении Шатуновской. Не о наказании за извращение фактов, а просто об увольнении. Эта нейтральная формулировка разъясняется в рецензируемой книге: факты, раскрытые Шатуновской, были, по мнению Суслова, разрушительны для «международного рабочего движения».

Второй торчащий конец: «Как быть с докладной запиской в Политбюро, подписанной Шверником и Шатуновской? Записка эта сохранилась, что подтвердил мне ответственный работник ЦК КПСС В.Наумов (не стоит и ЦК без праведника! – Г.П.). А в ней перечислены все основные документы расследования, те самые, которых теперь в деле нет. Предположить, что Шатуновская, готовя информацию для членов Политбюро, включила в записку несуществующее (и что Шверник этого не заметил – Г.П.), по-моему, немыслимо» (Целмс).

Третий торчащий конец: «А предсмертное письмо хирурга Мамушина своему другу Ратнеру? Ратнер сохранил письмо, а в нем – раскаяние. Кается хирург, что, участвуя во вскрытии тела Борисова (телохранителя Кирова, задерживавшего Леонида Николаева и отымавшего у него оружие – Г.П.), дал в свое время те показания, которые от него требовались. «Характер раны не оставлял сомнения, – пишет он в 1962 году, – смерть наступила от удара по голове».

Всего три улики совершенного подлога: две прямые и одна косвенная. Но ведь прав Мертон: чтобы убить человека, не нужно целой армии, достаточно одного выстрела. Чтобы доказать подлог, достаточно одного вопроса: куда делись документы, перечисленные в записке Шверником и Шатуновской? Ведь не выжили оба вместе из ума? А если выжили, то почему не вернули им назад их бред?

Дискуссия была прервана событиями 1991 года. Сталинисты замолчали. Истина казалась установленной. И публикация в «Общей газете» имела целью только привлечь внимание и средства к предполагавшемуся изданию книги о замечательно яркой

личности, забытой историками. О каторжанке, пытавшейся использовать поручение Хрущева с целью, далеко выходящей за его намерения. О женщине с огромным умом и волей, к сожалению, оставшимися неразвернутой пружиной (не состоявшейся возможностью было, в частности, выступление на XX съезде).

И вот передо мной рецензируемая книга. Строго говоря, она ничего не доказывает. Нет на ней никаких официальных примет достоверности. Просто бабушка рассказывает внукам, как она жила. Может быть, сказки? Но почему-то рассказы Ольги Григорьевны о революции, о гражданской войне, о дискуссиях в партии 20-х годов, о застенках 37-го года, о Колыме не вызывают ни малейшего подозрения во лжи. Они перекликаются с тем, что рассказывают другие. И трудно поверить, что рассказчица вдруг становится лгуньей, как только прикоснулась к священной корове и сдирает позолоту с ее фигуры. Так же простодушно, как прежние рассказы, звучит ее рассказ о человеке, который травил ее и в конце концов выжил из Парткомиссии:

«Во время двадцать второго съезда я и Пикина (другая каторжанка – Г.П.), она тоже была членом Комиссии партийного контроля, мы сидели во время съезда, а перед нами сидела молдавская делегация. Они к нам вот так обернулись и говорят: – ну поздравляем. Теперь Сердюк от нас ушел и будет у вас. Ему как раз надо быть совестью партии. Мы-то он него избавились, а вы получайте. Мы с Пикиной спрашиваем, а какие факты? Они стали рассказывать, какие он взятки брал, как он подделки делал... У нас волосы дыбом поднимались...» (с.357).

Кому же нам верить? Безупречно честной женщине, всегда твердо державшейся фактов (а это я лично удостоверяю) или заведомому мастеру подлогов? Которого, по всей вероятности, Суслов (великий интриган) специально подсунул в Парткомиссию для этой цели?

Но положение в стране изменилось, и по телевидению был пущен фильм о бытовом убийстве, которым Сталин только воспользовался. А покойную Ольгу Григорьевну обличают как автора «фальсификации века», совершенной в угоду Хрущеву. Ситуация из «Покаяния» Абуладзе! Судят женщину, выкопавшую труп Аравидзе, и обвиняемая становится обвинителем. Со страниц книги (правда, малотиражной) и из интернета (euclid.ucsd.edu/~Broido/ola/ola/html) она спрашивает: как вы опровергните крики Леонида Николаева, которые слышал конвоир Гусев, о которых рассказывали друзьям, перед смертью, Пальгаев и Чудов? Вызвать из гроба их тени? Как вы опровергнете показания мертвых о совещании на квартире Орджоникидзе?

Надо отдать должное цекистам 1990-го года: они не решились назвать Шатуновскую лгуньей. Пущена была другая версия: что старуха выжила из ума и нельзя ей ни в чем верить (о записках родных никто не знал). Но письмо в редакцию «Известий» не показывает никакого упадка памяти и умственных способностей. Могу прибавить, что примерно в это время, после статьи Лордкипанидзе, дочь Запорожца (видимо, встревоженная статьей) нашла каких-то общих знакомых и через них просила меня переспросить Ольгу Григорьевну, действительно ли отец – соучастник убийства. Я позвонил на Кутузовский, зашел в одинокое жилье. Ольга Григорьевна не хотела

вмешиваться в жизнь детей и внуков и жила одна. Дети и внуки навещали ее, но она сама, без сопровождающего не выезжала. Полуослепнув на Колыме от нервного потрясения, она с трудом ориентировалась на улице. В этот день ей было плохо. Она сидела сторбившись. Взор казался угасшим. Но услышав вопрос, больная распрямилась, глаза блеснули прежним светом – и четко, как на экзамене, она повторила все факты об убийстве Кирова, точно так, как я пару раз от нее уже слышал.

Это показание я готов повторить под контролем детектора лжи и, если надо, – против всего состава «независимого расследования», в присутствии любого числа сталинистов, на передаче «Глас народа».

Читатель вправе считать, что я предубежден в подборе фактов. Я действительно предубежден – всем опытом XX века. Но родные Ольги Григорьевны давно за рубежом, и наши страсти не кипят в них. Наоборот, в особенности внук Ольги Григорьевны, Андрей Бройдо, всегда настаивал, чтобы с памятью бабушки не смешивались «политические дразги» Это выражение, повторенное Джаной Юрьевной, я не так давно выслушал по телефону. От такого бесстрастного настроя записи, сделанные и опубликованные родными, только выигрывают в своей достоверности. Книга устанавливает то, что в мусульманском праве называется иснадом. Высказывание Мохаммеда, – не продиктованное Аллахом и не вошедшее в Коран, – считается достоверным, если этот хадис передан людьми, заслуживающими доверия. К примеру, «Мохаммед, да будь благословенно имя его, сказал Абу Бакру...» и т.п. Книга, изданная Джаной Юрьевной и ее детьми, – достоверный хадис. Тем не менее, десятки миллионов

людей не примут его. И моя репутация человека, за 84 года не научившегося лгать, не поможет.

Признать, что Сталин заказал Кирова, а потом убрал киллеров, как при обычных разборках, очень неприятно миллионам людей. А признавать неприятное даже философы не все умеют. Книге не поверят избиратели КПРФ, для которых «Сталин – это победа». Книге не поверят рядовые ветераны. «Про Сталина многое пишут, – сказал недавно, в день Победы, какой-то старик, с которым, может быть, мы когда-то сидели в соседних окопах, – но это наш главнокомандующий...». Я сожалею, что книга, если она дойдет до таких людей, сделает им больно. У них, возможно, ничего не было в жизни ярче военных лет, а правда, которую раскапывала Шатуновская и которую я отстаиваю, вносит трещину в это самое яркое, самое лучшее. Я ни в какой мере не отрицаю героизма солдат и офицеров, но я убежден, что мы, борясь с одним тираном, возвеличили другого. И в результате победители живут хуже побежденных и немцы имеют больше основания праздновать день Победы (над их армией!), чем мы. Это трудно вместить, проще отбросить некоторые факты.

Ни для кого не секрет, что демократия у нас оказалась без демократов, без минимума честности, необходимого для демократических институтов, и не раз приходилось слышать, что «нам нужен новый Сталин», разумеется, идеализированный и сажающий за решетку воров. То, что сталинский порядок развращал людей в лагерях и подготовил нынешнее царство коррупции, в простые головы не укладывается. Масса

рванулась к твердой власти и не хочет знать, каким ужасом оборачивается иногда в России этот самый твердый порядок.

Я не сомневаюсь, что многие государственные люди также считают необходимым поддерживать миф о достойном советском прошлом и строить на этом мифе идеологию единства. Эта идея просвечивает в некоторых речах. Нынешние сотрудники государственной безопасности еще не родились, когда Сталин совершал свои преступления, но им трудно служить в ведомстве, запятнанном сталинским коварством.

«Мы государевы люди, – объяснял один офицер моему другу, лет двадцать тому назад, засекречивая его работу. – Прикажут, и будем защищать свободу научного исследования. Прикажут – еще крепче засекретим». Государевы люди, по старой русской традиции, готовы выполнить и приказ изверга. Сердце царево – в руке Божьей: на этом стоял и, кажется, до сих пор стоит русский государственный порядок (черты которого Г.П.Федотов проницательно заметил в «Сталинокрации»⁴). Но есть некоторый предел, за которым повиновение становится бесчестным. И многим государственным людям кажется, что лучше государственный миф, чем историческая правда.

Я придерживаюсь противоположной точки зрения: только полное обличение зла и глубокое национальное покаяние очистят нравственный климат России и создадут основу для ее возрождения. Но эта рецензия написана не для публики, которую

---

⁴ И других статьях, вошедших во второй том сборника «Судьбы и грехи России», С-Петербург, 1992.

хотелось бы убедить в своей правоте, а для историков, и хочется подчеркнуть, что книга дает много материала для размышлений.

Вот, например, попытка Ольги Григорьевны объяснить, почему так медленно шло у нее прозрение, почему убийственные аргументы противников Сталина отскакивали от нее в 20-е годы, не затрагивая. И даже страшные потери во время насильственной коллективизации (по оценке, принятой Шатуновской, – до 22 млн. человек) вызывали только сомнения, колебания; и мысли о каком-то перевороте – может быть фашистском – пришли слишком поздно... (с. 211-214). Я читал это и вспомнил разговор с Персицем, начальником следственного отдела.

«– Вот, товарищ начальник, до чего эти враги дошли, ей дают подписать отрицательный протокол (т.е. протокол, в котором обвиняемая признается в ничтожном пустяке, а все серьезные обвинения отрицает – Г.П.), а она не подписывает, куражится.

Вот тогда я его впервые увидела, невысокого роста.

– Сейчас же подписывайте, вы видимо не понимаете, где вы находитесь, что и при каких обстоятельствах следует делать. Вам дают отрицательный протокол, вы понимаете, что это такое?

Вот не помню, кажется, после этого он вызвал меня к себе в кабинет.

Я говорю ему: – Что вы творите, что вы делаете? Вы же не врагов сажаете, всех честных партийцев.

Он взял меня вот так пониже локтя за руку: –

Если здесь вот у вас язва, что вы будете делать? Вырежете сперва язву, а потом и то, что вокруг нее – здоровое мясо, так и нам приходится делать.

– Похоже на то, что и руку уже всю отхватили.

– Ну что ж делать, может быть и руку» (с. 168).

Я думаю, что Персиц в этом почти интимном разговоре говорил то, что думал.

«...я спросила его, а зачем же тогда эти очные ставки, эти протоколы?

Так надо, – говорит он.

Потом уже на пересылках я узнала, что он и его брат были арестованы и расстреляны» (с.170).

Моя покойная знакомая, Надежда Марковна Улановская, бывшая советская разведчица, рассказывала, что следователь этого ранга, кажется, именно Персиц, хвастался, что одну женщину он спас. Во всяком случае, Ольгу Григорьевну он не разрешил пытать и срок ей оформили, по тем временам, не самый большой, – семь лет. Метафора Персица о здоровой ткани раскрыла мне логику мясорубки, действовавшей по законам статистики. «Здоровая ткань», которую приходится выжечь, – это все участники дискуссий 20-х годов, в том числе и защитники «генеральной линии». Они запомнили аргументы противников Сталина. При каком-то повороте эти аргументы могли им пригодиться.

«... приходит к нам Володя Хуталашвили, – вспоминает Ольга Григорьевна.

Двадцатые годы.

– Давайте, товарищи, побеседуем.

Давайте, – мы хотим с ним беседовать. И вот целый вечер мы с ним разговаривали, а он нам объяснял, что из себя представляет Сталин. И говорит: -- Вы не понимаете, почему столько старых большевиков пошли за оппозицией? Это не потому, что нам нравится Троцкий и его платформа, а потому, что мы хотим, чтобы партия не шла за Сталиным, -- это подонок, это негодяй. Он обманывает всю партию... Вашими руками он нас закопает в землю...» (с. 213).

Если считать, что безусловная вера в вождя, вера слепая, вера фанатическая, вера без капли сомнения – необходимое условие победы в XX в., то потенциальная пятая колонна – и Ольга Григорьевна, и Персиц, и не случайно Персицы тоже уничтожались: они слишком много думали для партии самоновейшего типа и слишком много знали. Тогда становится понятной и логика Молотова, повторявшего, после всех разоблачений XX и XXII съездов, что 1937 год был необходим, ибо он избавил нас от пятой колонны. Как историк я обязан понимать мотивы поступков государственного деятеля, даже такого, как Молотов, охотнее других подписывавшего, вслед за Сталиным, расстрельные списки. И мотивы Маленкова, лично давшего санкцию на арест Шатуновской... А то, что в 1962 году он сам оказался на допросе у Шатуновской и вынужден был объяснять ей, почему члены Политбюро не сопротивлялись явно преступным указаниям – зигзаг истории, не изменивший ее основного течения.

Я сам – живой свидетель Большого Террора и помню его как массовое безумие, вышедшее за все мыслимые рамки. Оно и было безумием, но безумием, направляемым параноидным умом, в котором была своя система. Факты, раскрытые Шатуновской,

позволяют понять, чем Сталин руководствовался, в чем он мог убедить своих пособников (Молотова, Кагановича, Маленкова): совещание у Орджоникидзе и голосование на съезде – 292 голоса против Сталина – показали, что партия не простила бессмысленной гибели миллионов крестьян, что возникла скрытая оппозиция и в ожидании схватки с Гитлером следует уничтожить «пятую колонну»; но уничтожить, не называя вещи своими именами, не разрушая сложившихся идеологических стереотипов. Отсюда вопрос Шатуновской: «зачем же очные ставки?» и ответ Персица: «Так надо». Надо заставить репрессированных признать, что они служили Троцкому или даже прямо Гитлеру. Надо сломить и очернить ту часть народа, в которой осталось слишком много чести и совести и, наконец, – остатки европейских понятий о правах и достоинстве личности. Надо сохранить только тех, кто не вышли из XVI века или готовых вернуться в XVI веку (Г.П.Федотов именно так понимал волю Сталина).

Разумеется, жертвы избирались статистически, по категориям, и я, например, попал в свою категорию только в 1949 г. Но категории продуманно выбирались, и было прислушивание к ходу процесса в целом. Примерно зимой 1938-39 г., после долгих томительных месяцев без единого анекдота, мелькнул вопрос–ответ: «Как живете? Как в автобусе: одни сидят, другие трясутся». Я понял, что страх больше не может расти и растет мужество отчаяния. Значит – террор пойдет на убыль. И в самом деле, – наверху это заметили! «Ежовые рукавицы» исчезли со стен. Появилось (не в печати, но полуофициально) новое слово: «ежовщина». Безумного Ежова заменил «добрый» Берия, и он кого-то, посаженного «напрасно», выпустил (но дело Шатуновской,

которое Микоян подсунил на реабилитацию, Берия не пропустил). Во всем этом была логика, которую я долго пытался понять и кажется наконец понял: весь народ начинал чувствовать себя пятой колонной, подлежащей уничтожению, барьер, отделявший от жертв, стал распадаться, отчуждение уступало место сочувствию, и это надо было прекратить, восстановить барьер, и невозможно было сделать это, не введя террор в берега и кого-то не освободив. Цель была достигнута. На эту основу опирался чудовищный авторитет Сталина.

Слепая преданность вождю может спасти при временных поражениях; но она не спасла Гитлера, когда дьявол отвернулся от него. И она не спасла дела Сталина – правда, распад произошел уже после его смерти. Золото черта становится гнилыми листьями, когда поднимается солнце. Или, если Вам больше нравится Булгаков, – платья, розданные дамам, исчезают, и обманутые с визгом чувствуют себя в одном белье посреди толпы. А потому можно повторить слова Талейрана: Большой Террор был больше, чем преступлением; он был непоправимой ошибкой. И читая Шатуновскую, мы можем вдуматься в истоки и следствия этой ошибки, войти в живую ткань нашей страшной истории и увидеть коллективизацию и Большой Террор сразу с нескольких точек зрения, понять мотивы всех участников исторической трагедии и подойти к проблемам современности, не закрывая глаза на прошлое, каким оно было. Проходит век, и преступления становятся частью истории. Но не будет строить единства России на лжи. Попробуем построить его на воле к внутренней правде. Бог не

прощает наших грехов. Но если душа народа ему открыта, если Он входит в эту душу, свет выдавливает из души тьму, не оставляет места тьме.